

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ФЕОДАЛЬНОЙ СЕРБИИ (ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ)

1. Правовые формы феодальной собственности. Характерной особенностью феодальных отношений в сербском обществе является многообразие форм собственности: общинная, задруга и частная собственность.

Общинная форма собственности — это вид собственности (леса, пастбища, земельные угодья и водоемы), которым пользовались все члены общины. О наличии этого вида правовой собственности в сербском феодальном обществе указывают нормы, отраженные в византийском “Земледельческом законе”, который действовал на территории средневековой Сербии с последней четверти I тысячелетия н.э. до вступления в силу “Законника Стефана Душана”. Ст. 7 указанного правового акта гласит, если 2 села спорят о границе земельных угодий, то спорную землю следует передать в пользование тому селу, которое владело этой землей более продолжительный период. Автор полагает, что в данном случае спор идет об общинной собственности. Подтверждением этому служат и статьи 78, 79 призеренского списка “Законника Стефана Душана”. Однако “Законник Стефана Душана” в отличие от “Земледельческого закона” разрешает спор в пользу той стороны, чьи права на землю санкционированы государством, подтверждены “царской милостью”.

Утверждение новых производственных отношений проявилось в ликвидации коллективной общинной собственности. Этот процесс охватывает довольно длительный исторический период. Община у сербов, как и у других южно-славянских народов, уступала свои позиции перед натиском “новых” сил общества в лице представителей господствующего класса феодалов. Это и объясняет появление нового, характерного только для южных славян переходного вида собственности — задруги, которая стала промежуточной формой между общинной и частной собственностью.

Задруга — большая семья, состоящая из нескольких связанных кровным родством семей. Управление ею осуществляет единолично домовладелец, под чьим кровом проживают связанные родством семьи. Собственность задруги составляет все недвижимое и значительную часть движимого имущества. О наличии данного вида собственности в средневековой Сербии свидетельствует ст. 69 “Законника Стефана Душана”, озаглавленная “Кто (живет) в одном доме”.

Наряду с правовыми формами собственности общины и задруги в феодальной Сербии имел место и институт частной собственности. Развитие производительных сил вело к обособлению единоличных хозяйств и хозяйств задруги в форму частной собственности. Как и у других народов, обогащение одних слоев сербского общества происходило за счет своих же соплеменников.

“Законник Стефана Душана” не только отразил наличие частной собственности в средневековом сербском обществе, но и классифицировал ее на ряд категорий. Так, Законник различал башину — родовую собственность, т.е. наследственное владение

(имение), от купленицы — имения, приобретенного на основе договора купли-продажи. При этом упоминание о бащине встречается в тексте “Законника Стефана Душана” повсеместно, а разговор о купленице идет лишь один раз в ст. 170 “О бащинах”, которая выявлена в бистричском и раковецком списках. Указанная статья гласит: “Земледельцы, которые имеют свои родовые земли и виноградники, и купли, вольны свои виноградники, земли отдавать в приданное или в дар церквям, но при этом работник всегда остается на том месте за тем господином, кто владеет селом...” [1, 42—43]. Следует иметь в виду, что под словом “бащина” законодатель понимал не только родовое имение представителя господствующего класса, т.е. феодала (властеля), о чем идет речь в ст. 37 “Законника Стефана Душана” призренского списка, пожалованное ему царской властью на основе Жалованной грамоты (Хрисовула), но и бащины представителей низших сословий, меропхов (ст. 170 бистричского и раковецкого списков Законника), низшего духовенства (ст. 29 призренского списка Законника) и др. Во всех указанных случаях разговор шел только о наследственной собственности. Кроме того, “Законник Стефана Душана” предусматривал пронию в виде временного пожалования поместья за службу. Такая прония была неотчуждаема, ее нельзя было ни продавать, ни передавать безвозмездно, в частности, в собственность церкви (ст. 58 призренского списка; ст. 61 бистричского списка).

2. Правоспособность физических лиц. Многообразие форм собственности в феодальном сербском обществе свидетельствует о зрелости хозяйственных и гражданских отношений свойственных своему времени. Анализ правовых источников позволяет утверждать, что сербский законодатель периода средневековья знал и различал на практике понятия “физическое лицо” и “юридическое лицо”.

Важнейшей функцией физического лица является правоспособность — установленная законом возможность для лица быть носителем прав и обязанностей. Правоспособность как институт феодального права является классовым по содержанию. В нем изначально заложено неравенство феодала и крепостного крестьянина. В феодальном праве правоспособность феодала и крепостного крестьянина является правовым выражением их экономического неравенства. Значит, феодал имел полную правоспособность. Правоспособность зависимого (крепостного) крестьянина была существенно ограничена.

Феодальному праву средневековой Сербии были известны значительные ограничения правоспособности больших групп населения. Вместе с тем правоспособность в сербском феодальном праве была величиной изменяемой. Ее изменения были вызваны развитием хозяйственной деятельности и общественных отношений в стране.

В период раннего феодализма ограничения правоспособности были обусловлены прежде всего положением лица в задруге или семье. Так, отдельные члены задруги имели ограниченную имущественную правоспособность. Они выступали носителями прав и обязанностей только как члены соответствующего коллективного органа, например, задруги, которую представлял в отношении третьих лиц старейшина (глава задруги).

Задруга как коллектив становилась носителем тех имущественных прав, которые приобретали ее члены различными способами. При этом отдельные члены задруги могли иметь в личной собственности лишь ограниченное число предметов незначительной стоимости, предназначенных для личного пользования (одежда, оружие и т.д.). В индивидуальной семье правоспособность лиц также не была одинаковой. Полную правоспособность имел только глава семьи.

Ограничения правоспособности членов задруги и индивидуальной семьи затрагивали главным образом вопросы имущественной правоспособности. Правоспособность у рабов отсутствовала полностью. Раб не являлся субъектом права. Он был только объектом права. Правовая доктрина рабства в ее классическом виде была сформирована в нормах римского права. За период существования рабства у южных славян этот институт претерпел некоторые изменения. Хотя по-прежнему основными источниками рабства в феодальной Сербии, как и у других славянских народов, были военный плен и долговая кабала. Институт рабства на территории феодальной Сербии юридически сохранялся до начала XV в. Об этом свидетельствует постановление сената г. Дубровника о запрещении работорговли, которое было принято в 1400 г. До этого же времени работорговля велась в Боснии и других приморских районах Сербского государства. Однако за несколько столетий до указанных событий славяне — предки сербов и болгар — предоставили пленникам возможность выкупиться из рабского состояния. Первыми на этот факт обратили внимание в своих трудах Прокопий-кесарийский и Псевдо-Маврикий. Позже этот обычай был закреплен в сербском законодательстве, что засвидетельствовал историк права Чорчевич в “Сербской летописи за 1859 г.”, где рабство трактуется в прокомментированном им правовом акте

как временное состояние лица: “Если кто купит раба, а он (раб) богат и вернет уплаченную за него стоимость и отработает у купившего его срок в три года, то вновь станет свободным” [2, 9]. На это указывает и болгарский источник права IX в. н.э. “Закон Судный Людям”, который несколько столетий использовался правосудием Сербии. Так, в ст. 19 указанного источника (краткая редакция) говорится, что если кто-нибудь купит у чужеземца пленника со всем его имуществом, а тот возместит цену, уплаченную за него, то он освобождается.

Если у него нет выкупа, то он должен остаться в качестве раба, пока не отработает уплаченного за него. Если он договорится перед свидетелями о цене, называемой платой (мздой), то она должна составлять в год по три стеленза (достоинство золотой монеты). Несмотря на то, что нормы отраженные в указанных правовых актах означают некоторое смягчение участи рабов, они все же не меняют сущности института рабства — полной неправоиспособности раба, его положения в качестве объекта права. Характерным в данном случае является принятое в 1186 г. постановление которской общины о разделе штрафных санкций между князем — главой общины — и церковью Св. Трифона, наложенных на жителей Котора за покупку у раба краденых вещей. Там же была определена и величина наложенного на этого раба взыскания [3, 124]. Штрафные санкции в отношении жителей которской общины были введены на основании того, что их покупки сделаны у раба, который в соответствии с законом не являлся правоспособным лицом, а значит, не мог распоряжаться имуществом.

Следовательно, законодательство феодальной Сербии, как и право рабовладельческого Рима, рассматривает раба как вещь — собственность того, кто ее купил, т.е. как объект права. Однако институт рабства в федеральной Сербии не имел того экономического значения, которое было характерно для рабовладельческих государств. В средневековой Сербии рабство не являлось основой производственных отношений, феодальные отношения там развивались вглубь и вширь.

Источником рабства в феодальной Сербии могло быть и наказание за совершенное тяжкое преступление. В данном случае представляет интерес повествование архиепископа Даниила, где он сообщает о победе государя Сербии Милутина над татарами, состоявшими у него на воинской службе и взбунтовавшимися против князя. Милутин оставшихся в живых бунтовщиков обратил в рабство [4, 144]. Этот случай напоминает “поток и разграбление” (конфискация имущества у преступника и продажа его в рабство — В.Е.) в “Русской Правде”. Подобное наказание в чешском феодальном праве квалифицировалось как политическая смерть, когда осужденного на смерть преступника мог помиловать князь, а он (преступник) и его потомки становились рабами.

Однако в большинстве случаев осужденные в средневековой Сербии лишались состояния имущественной правоспособности путем конфискации имущества. При этом они не теряли личной свободы. Так, ст. 156 “О поротниках” призренского списка “Законника Стефана Душана” гласит: “Которые сопряжники поклянутся и оправдают кого-либо по закону, и если после этого оправдания действительно откроется поличное у этого оправданного, коего оправдала порота, то мое царское величество да возьмет с этих сопряжников по тысяче перперов (византийская денежная единица в один перпер равнялась стоимости примерно четырех серебряных рублей — В.Е.), и пусть более да не дается веры этим поротникам и да никто из них ни замуж не выходит (клятвенными свидетелями в средневековой Сербии могли быть и женщины — В.Е.), ни женится” [3, 89]. Из процитированной статьи вытекает, что клятвенные свидетели, несправедливо оправдавшие преступника, не только подвергаются уголовному наказанию, выраженному в штрафе в тысячу перперов, но и подвержены в ограничении своей гражданской правоспособности. Они лишаются общественного доверия и права вступать в брак.

Ст. 139 призренского списка и ст. 133 бистричского списка “Законника Стефана Душана” гласят: “Если в чем-либо хрисовуле (жалованной грамоте — В.Е.) найдется слово, приписанное обманно, и найдутся слова искаженные и речи переименованные, а не то, что повелело мое царское величество, да будут разорваны такие хрисовулы, а бащиник больше да не имеет бащины”. Из данной правовой нормы следует, что бащиник, совершив подделку документа, “слово приписав обманно”, нарушил закон. За данное противоправное действие виновное лицо лишается права на владение собственностью, т.е. утрачивает гражданскую правоспособность.

Развитие феодальных отношений вызвало ряд специфических, присущих только феодализму видов ограничения правоспособности широких слоев населения. Например, была ограничена возможность не только для сербских зависимых крестьян, но и представителей других непривилегированных сословий приобретать права на земли, входящие в состав ленных владений светских и духовных феодалов.

Так, ст. 58 “О Пронии” из призренского списка и ст. 61 из бистричского списка “Законника Стефана Душана” гласит: “Да не волен никто ни продать пронию (поместье), ни купить, кто не имеет бащины (наследственной собственности, т.е. вотчины — *В.Е.*)...”. Процитированная выше правовая норма обусловлена тем, что собственность феодалов на землю связана с их властью над зависимыми крестьянами, которые обрабатывали эту землю, и в целом господствующим положением феодалов в обществе. Зависимые крестьяне не могли иметь неограниченную правоспособность, т.е. не могли продавать землю за пределы феодального имения, к которому были прикреплены. Сделки купли-продажи можно было заключать в пределах только одного владения с лицами, зависимыми от одного феодала. Если участниками сделки (договора купли-продажи) становились лица, находящиеся в зависимости от разных феодалов, то сеньор продавца был вправе требовать расторжения сделки и даже имел законные основания наказывать виновного, наложив на него штраф.

Особый интерес вызывает вопрос правоспособности иностранцев в феодальной Сербии. Имеющиеся в нашем распоряжении правовые источники: “Грамота князя Милутина — дубровчанам” (1289), в которой регламентируются их права на владение землями и виноградниками на территории Сербии; договор сербского правителя Стефана Лазаревича с Венецией (1423) и переписка флорентийского правительства с сербским деспотом (правителем — *В.Е.*) (1434) по поводу получения наследства Яковом де Сан-Миньято в результате смерти его родного брата Иеронима, находящегося длительное время на сербской службе, свидетельствуют, что иностранцы не были ограничены в правоспособности на территории Сербского средневекового государства. Они имели право на владение даже недвижимым имуществом. Но из этого не следует, что правоспособность в феодальном Сербском государстве была одинаковой для всех иностранцев. Обычно за иностранцами признавалась правоспособность в области обязательственного и договорного права, если она находила отражение в правовых документах. Например, в 1423 г. Стефан Лазаревич по окончании войны с Венецией заключил с ней мирный договор, позволяющий венецианцам всех сословий и званий владеть недвижимой собственностью на территории Сербии. Однако в другом договоре (1442), заключенном между Венецией и дривастской общиной — одним из регионов Сербского средневекового государства, который сохранил свою автономию, предусматривалась ликвидация всех виноградников, принадлежащих иностранцам, воспрещалось им вести строительные работы, не отвечающие интересам коренных жителей общины, а также указанный договор запрещал албанцам владеть прониями на территории округа.

Состояние правоспособности в области наследственных отношений находит отражение в переписке флорентийского правительства с сербским государем в 1434 г. Источник гласит, что если умрет какой-либо флорентиец, живущий на территории Сербского государства, если он не был осужден судом, никто не может распоряжаться его имуществом, кроме самих флорентийцев. Эта норма свидетельствует, что наследство иностранцев переходило в руки их родственников, при отсутствии же таковых становилось собственностью государства, подданными которого они являлись.

Причины достаточно широкой правоспособности иностранцев на территории средневековой Сербии следует искать в конкретных экономических и политических условиях рассматриваемого исторического периода. Сербское государство и господствующий класс были заинтересованы в обилии таких иностранных товаров, как оружие и предметы роскоши. Местное производство было не в состоянии удовлетворить возрастающий спрос на указанные группы товаров, а отечественная торгово-промышленная прослойка населения была недостаточно многочисленной и организованной.

Не последнюю роль в усилении правового статуса иностранцев в Сербии конца XIV — XV вв. играло военно-политическое ослабление страны. Этому способствовало непрерывное противостояние Сербского государства Османской империи, Венгрии и Венеции. В создавшихся условиях иностранные торговцы, особенно уроженцы государств, расположенных на территории современной Италии, сумели использовать ослабление Сербии для того, чтобы приобрести себе широкую правоспособность и значительные выгоды.

Литература

1. Душанов законик: бистрички препис / Предео Д. Богданови . Београд, 1994.
2. Српска льготапис. 1859. Т XXXIII. Кн. 99.
3. *Зигель Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872.
4. Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.

(Продолжение в следующем номере).